

Е. В. Захарова
(Петрозаводск)

ВЕПСКОЕ ПРОШЛОЕ ВОСТОЧНОГО ОБОНЕЖЬЯ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИИ¹

Названия географических объектов (рек, озер, болот, островов, мысов, заливов, населенных пунктов, сельскохозяйственных угодий и проч.), помимо выполнения функции именования, являются богатейшим источником информации для исследователей. Благодаря своей массовости и устойчивости во времени, топонимия через столетия доносит до нас ценные сведения о прошлом края: характеризует его ландшафтную специфику, свойства почв, растительность, произрастающую в данной местности, породы рыб, обитающих в водоемах, животных, населяющих леса и т. д. На основе топонимических данных можно сделать выводы о хозяйственной деятельности, промыслах, ве-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения проекта «Создание ГИС «Электронная картотека топонимов Восточного Обонежья» (грант РГНФ №12-04-12009).

рованиях того населения, которое являлось создателем географических названий, его этнических истоках и времени освоения им исследуемой территории.

Восточное Обонежье, включающее в себя карельское Пудожье и архангельское Каргополье, представляет собой западную окраину Русского Севера, поэтому и топонимия исследуемого региона в ее современном состоянии является севернорусской. Вместе с тем данные истории, археологии, этнографии и топонимии позволяют говорить о богатом этнолингвистическом прошлом края, а именно о прибалтийско-финско-саамском субстрате в языке и культуре местного населения (А. М. Шёгрэн, М. Фасмер, А. И. Попов, В. В. Пименов, А. К. Матвеев, И. И. Муллонен, К. К. Логинов и др.).

Топонимический материал Восточного Обонежья, основу которого составляют данные научной топонимической картотеки ИЯЛИ КарНЦ РАН, картотеки топонимической экспедиции Уральского федерального университета, материалы Национального архива Республики Карелия, а также картографические источники, очень богат и многослоен, он насчитывает около 20 тыс. топонимов, треть из которых – географические названия с нерусскими истоками.

Самый верхний и в то же время самый значительный топонимический пласт составляют русские названия, которые представлены, главным образом, в микротопонимии (в названиях отдельных поселений, сельскохозяйственных угодий – полей, покосов, урочищ, и т. д.), что указывает на сравнительно молодой возраст данных названий: микротопонимия достаточно изменчива и неустойчива во времени. Следует также отметить, что некоторые русские топонимы исследуемой территории (например, озера Лебяжье, Долгое, Кривое и др.), скорее всего, являются переводными.

Хорошая сохранность топонимов нерусского происхождения объясняется достаточной изолированностью территории (располагаясь вдоль транзитных водно-волоковых путей, по которым в средние века новгородцы продвигались в Поморье и Заволочье, в послепетровскую эпоху – после переноса столицы в Петербург – Восточное Обонежье осталось в стороне и почти не испытывало культурных воздействий от своих соседей [Логинов, 2006, 6]), а также характером освоения, которое, очевидно, не было плотным

и массивным, но постепенным, с длительным периодом двуязычия и последующим обрусением местного населения, что, в свою очередь, является условием сохранения предшествующего топонимического слоя.

К наиболее древнему топонимическому пласту Восточного Обонежья относится ряд гидронимов – названия большей части рек и наиболее крупных озер (р. Водла, оз. Водлозеро, р. Отовжа, оз. Отовозеро, р. Келка, оз. Келкозеро, р. Колода, оз. Колодозеро и др.), для которых до сих пор не удается найти убедительной этимологии. Такая ситуация наблюдается на всей территории Русского Севера. По-видимому, данные топонимы – наследие этноса или этносов, заселявших некогда этот обширный ареал, но позднее ассимилированных последующими волнами заселения и утративших свой язык [Муллонен, 1995, 192–193].

В топонимии Восточного Обонежья также выделяется пласт названий, свидетельствующий о саамском прошлом территории. Названия саамского происхождения привязаны к относительно крупным, значимым с точки зрения ландшафтной характеристики объектам, прежде всего водным: пролив *Чёлма* (саам. *čoal'bme* ‘пролив’²); зал. *Нюхпоча*, руч. *Нюхручей*, оз. *Нюхчозеро* (саам. *njuhčč* ‘лебедь’); оз. *Кеткозеро* (саам. *ketk* ‘камень’), оз. *Янгозеро* (прасаам. **jēŋke* ‘болото’) и др. Следует иметь в виду, что тот этнос, который оставил в Восточном Обонежье данную топонимию, мог представлять собой образование прибалтийско-финско-саамского типа (что могло произойти в ходе распада единой саамско-финской языковой общности). Не случайно к этимологии этих топонимов нередко удобнее подходить не с позиций современного саамского языка, а используя языковую реконструкцию, т. е. более раннее, предшествующее современному, языковое состояние [Муллонен, 1995; Хелимский, 2006; Saarikivi, 2006].

Названия прибалтийско-финского происхождения составляют самый значительный пласт субстратной топонимии Восточного Обонежья, они представлены во всех топонимических слоях – от более древней и устойчивой во времени гидронимии (на

² Здесь и далее значение саамских слов см.: *Itkonen T. I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja // LSFU. XV. 1958; Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto // SUST. 200. Helsinki, 1989.*

основании чего можно предположить, что прибалтийско-финское население появилось здесь раньше славянского) до более молодой и подвижной микротопонимии, что свидетельствует о хорошем освоении территории данным населением и его позднем обрусении.

В силу значительного сходства карельской и вепсской языковых систем в целом ряде случаев развести вепсскую и карельскую по происхождению топонимии данной территории не удастся: Венегора, Венеручей (карел. *veneh*, вепс. *veñeh* ‘лодка’³); Кивозеро (карел., вепс. *kivi* ‘камень’); Маймозеро (карел. *maima*, вепс. *maim* ‘малек, наживка’); Мяндово болото, Мяндозеро, Мяндохом, Мяндручей (карел. *mänty*, вепс. *mänd* ‘мяндовая сосна; сосняк на болоте’); Падозеро (карел. *pato*, вепс. *pado* ‘плотина, запруда’); Хергозеро (карел. *härkä*, вепс. *härg* ‘бык’) и др.

Возникает проблема дифференциации – поиска признаков, отличающих вепсский субстрат от карельского, и хронологии – в какое время территория Восточного Обонежья осваивалась вепсами, а в какое – карелами.

Одним из надежных критериев дистрибуции является фонетический, или звуковой. Следует отметить, что на основании фонетических особенностей пудожской топонимии в конце 40-х гг. XX в. Д. В. Бубрих сделал вывод о вепсском прошлом данной территории [Бубрих, 1947, 26–7]. К четким вепским топонимическим маркерам можно отнести, например, особенность усвоения начального прибалтийско-финского звука ‘h’, который при усвоении в русское употребление карельских названий сохраняется, при усвоении же вепсских названий обычно переходит в ‘z’: ср. карельское оз. *Хабозеро* – вепсское оз. *Габозеро*, зал. *Хижлахта* – оз. *Гижезеро*, о. *Хийостров* – о. *Гижостров*, р. *Хорменица* – р. *Горменица* и др. Ареальный анализ моделей с начальным ‘x’ и ‘z’ показал, что топонимы с начальным ‘z’ представлены вдоль восточного побережья Онежского озера, в Водлозерье, несколько фиксаций отмечено на территории Колодозерья и Кенозерья, тогда как основной ареал распространения модели с начальным ‘x’ – Колодозерье

³ Здесь и далее значение карельских слов см.: Karjalan kielen sanakirja. I–V // LSFU. XVI. Helsinki, 1968–1997; значение вепсских слов см.: *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972.

и Кенозерье. Возможно, ареальная дистрибуция начальных 'з' и 'х' позволяет говорить об относительно позднем карельском освоении территории Колодозерья и Кенозерья (и в целом Восточного Обонежья), так как именно здесь наблюдается сохранение прибалтийско-финского звука *h* в топонимах (р. Хабанзя, оз. Хабозеро, м. Харьюс, оз. Харагозеро и др.). Здесь же представлены топонимы, сохранившие шипящие согласные: оз. *Шалмозеро*, руч. *Шалмручей* (карел. *šalmi* – вепс. *salm* 'пролив'), оз. *Желгозеро* (карел. *šelkä, šelgä, selgä* – вепс. *selg, süüg* 'кряж, возвышенность, холм, гора', во всех диалектах карельского языка еще и 'середина озера, водный простор, водная гладь' [ПФГЛК]); зал. *Пачелакшиа* (карел. *lakši* – вепс. *laht* 'залив') и др., а также названия, восходящие к карельским вариантам русских православных имен: д. *Кипров Наволок*, *бывш. д. Кипрово*, уг. *Кипров Мыс* (карел. *Kibra, Kibri, Kibro(i), Kibru* – рус. Киприан [Nissilä, 1973, 253]); оз. *Артово* (карел. *Arto(i), Artto(i)* – рус. Артемий, Артем [Nissilä, 1976, 51, 62]); оз. *Хомино* (карел. *Homa* – рус. Фома [Nissilä, 1975, 189]); уг. *Хилкина* (карел. *Hilkka, Hil(k)ko(i), Hil'(k)ko(i)* – рус. Филипп [Nissilä, 1976, 114]) и др.

Помимо фонетического критерия, разграничивающего вепскую и карельскую топонимию, можно обратить внимание на некоторые морфологические особенности, а именно на суффиксальную модель, представленную в топонимии исследуемой территории. Среди названий субстратного происхождения выделяется группа ойконимов (названий населенных мест), примечательных тем, что, помимо прибалтийско-финского антропонима в основе (часто нехристианского), они содержат прибалтийско-финский локативный суффикс *-l*: д. *Вачелово/Вачалово* (<*Vačai, Vačei*); д. *Кургилово/Курдилово* (<*Kurki, Kurg*); д. *Дешалово* (возможно, из карел. *Deša, Dešoi* – рус. Ефим); д. *Бостилово*; «д. на Иголове горе» [Материалы... 1972, 450] (<приб.-фин. антропоним *Iha*). В этот же ряд входят д. *Рахкойла* (<*Rahko(i)*); д. *Путилово* (сравни с зафиксированными в писцовых книгах Обонежской пятины 1563 г. вариантами *Пытилово/Пытилицы* [ПКОП]), д. *Коркила/Коркиниччи* [ПКОП]. Данная группа названий интересна тем, что входит в ареал прибалтийско-финского *-l*-ового топоформанта с семантикой места, который присоединялся к антропониму (имени

первопоселенца), и накладывается на ареал приладожской курганной культуры X–III вв. Часть из приведенных выше названий идентична ойконимам, представленным на исконных вепских территориях в Присвирье (где данная модель была очень продуктивна), что может свидетельствовать в пользу вепского прошлого Восточного Обонежья. Данное предположение подтверждается и тем обстоятельством, что на Водлозере для адаптации субстратных ойконимов с -l-овым топоформантом использовалась русская модель с суффиксом -ичи/-ицы (*Коркила/Коркиничи*) – как и в вепском Присвирье. Очевидно, новгородцы в своем продвижении на восток использовали те же пути, что и вепсы. Опираясь на приведенные данные, можно предположить, что появление первых вепских поселений в Восточном Обонежье (в частности в Водлозерье) относится к рубежу I–II тысячелетий нашей эры [Муллонен, 1991, 188]. Средневековые источники позволяют сделать некоторые выводы, касающиеся времени обрусения местного вепского населения. Так, в писцовых книгах Обонежской пятины XVI в. встречаем косвенные указания на двуязычие местного населения – переводные топонимы: «Дер. на Медвежье наволоке словет на Конде наволоке» [ПКОП, 1563, 173] (вепс. *kondi* ‘медведь’); «Дер. на Воронье Поле словет в Варишпалды» [ПКОП, 1563, 175] (вепс. *variš* ‘ворона’, *peld, rōud, rüud* ‘поле’). Очевидно, что в XVI в. процесс ассимиляции вепсов русскими в Восточном Обонежье еще не завершился, об этом свидетельствует хорошо сохранившаяся до наших дней микротопонимия вепского происхождения: уг. *Гоньжема* (вепс. *hongžom* ‘сосняк, сосновый лес’); руч. *Пичаручей* (вепс. *ričuin’e* ‘маленький’); руч. *Чираручей* (вепс. *čiraita* ‘шипеть, журчать’); о. *Чираки* (вепс. *čirak* ‘мель, гряда на озере’); уг. *Чухи* (название поля, расположенного на склоне горы), в основе, видимо, вепс. *čuhu* ‘конек крыши’. Данная основа довольно активно выступает в наименованиях возвышенных участков местности в вепской топонимии [Муллонен, 1994, 56]. Название расположенной на горюшке пахотной поляны *Кукорьга* содержит в основе вепскую метафорическую модель **Kukoihaŋj*, букв. ‘петушиный гребень’, также активно использовавшуюся для называния возвышенностей [Муллонен, 1994, 32]. Топоним *Пельчаг* (небольшой остров на оз. Кенозеро)

явно входит в один ряд с наименованиями островов, а также небольших озер с основой *pel* 'край, бок, сторона', известных на вепсской территории. Особо выделяется группа микротопонимов, в которых в качестве основного элемента (детерминанта) сохранился прибалтийско-финский оригинал: уг. Вакипёлда, Кодапёлда, Кипелда, Чурпалда, Ижпелда (вепс. *peld, rōud, rüüd* 'поле'), Везиматка (вепс. *matk* 'путь, дорога'), в то время как большинство топонимов такого типа существуют в виде полукалек, где основной элемент переводится: Лахнозеро, Кукагора, Ижполе, Габнаволок и др.

О вепсском прошлом Восточного Обонежья говорит и наличие в местной топонимии типичных вепсских географических терминов и моделей именования географических объектов, не свойственных карельской топонимии. К таковым относятся, например, термин *пуганда* от вепс. *rugand* 'узкое с быстрым течением место в реке', отразившийся в названиях порогов и перекатов на реках Водле и Ваме: *Пуганда, Верхняя и Нижняя Пуганда, Житная Пуганда, Извозная Пуганда, Мегрепуганда, Черная Пуганда* и др.; вепсский географический термин *kar, kara* 'небольшой залив, бухта': уг. *Гажья Кара, Кобылья Кара, зал. Карелахта* и др. Продуктивная вепсская модель *Сара* от вепс. *sar, sara* 'развилка, разветвление (дороги, реки, ручья)' реализуется в топонимии Восточного Обонежья в названиях рек, ручьев и расположенных вдоль них угодий: *р. Сара, р. Матсара, руч. Саручей, зал. Сарлахта, Сараплесо, бол. Сармох, угодья Габсара, Риксара, Саранивы, Саражы* и др. В связи с последним примером следует обратить внимание на колодозерский топоним с карельскими истоками – название озера, раздваивающегося на два плеса, Харагозеро (карел. *hoaga* 'разветвление, раздвоение') и группу топонимов с основой *Свара*, выступающей в названиях рек, ручьев, озер, болот и угодий, единичная фиксация – в названии залива, ареал которых располагается на границе Архангельской и Вологодской областей, в Каргополье, а также в Няндомском районе Архангельской области: *Свара, Свары, Сварки, Сваровитихи, Сварболото, Свараболото, Сварино, Сварручей, Сварозеро, Сварозерское, Сваркурья, Часвара* и др. (рис. 1). Большинство из приведенных объектов характеризуется как развилка, ответвление или, наоборот, место слияния двух

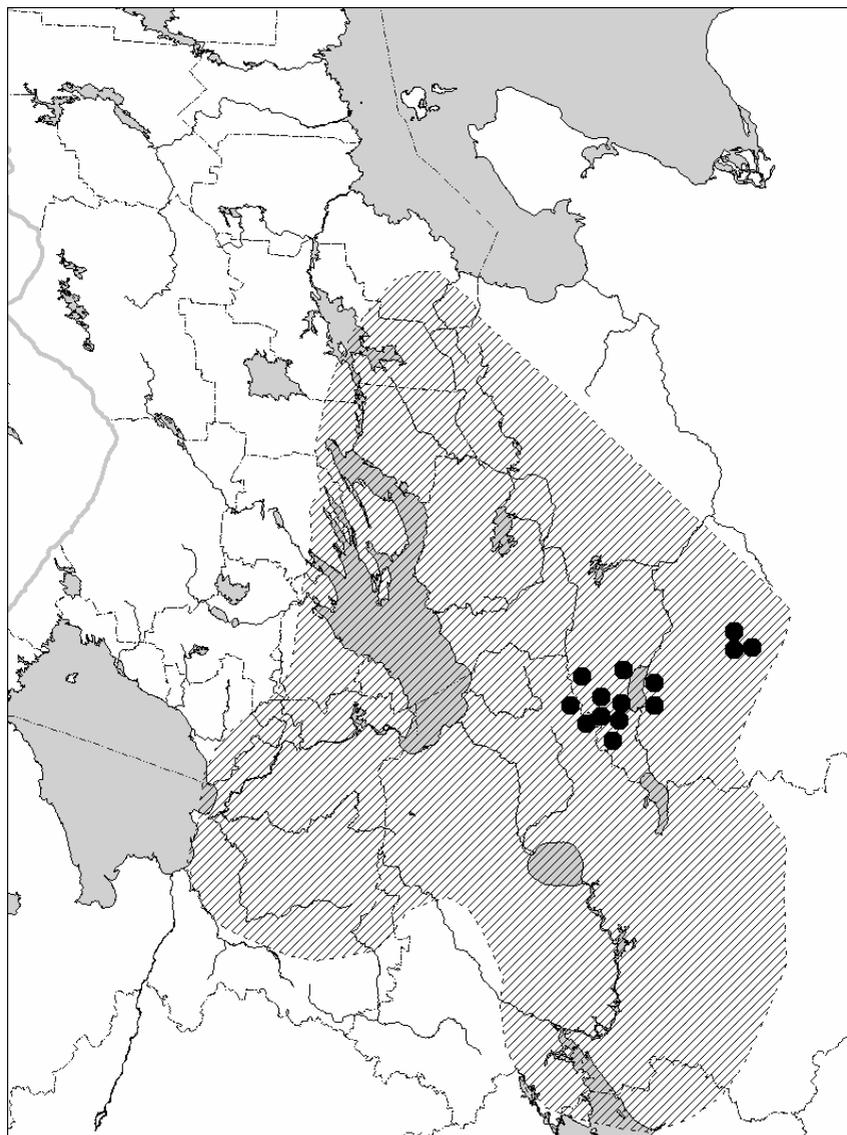

Рис. 1. Ареал вепсской топонимии Sara/Cara
● обозначены топонимы с основой Свар-, Свара

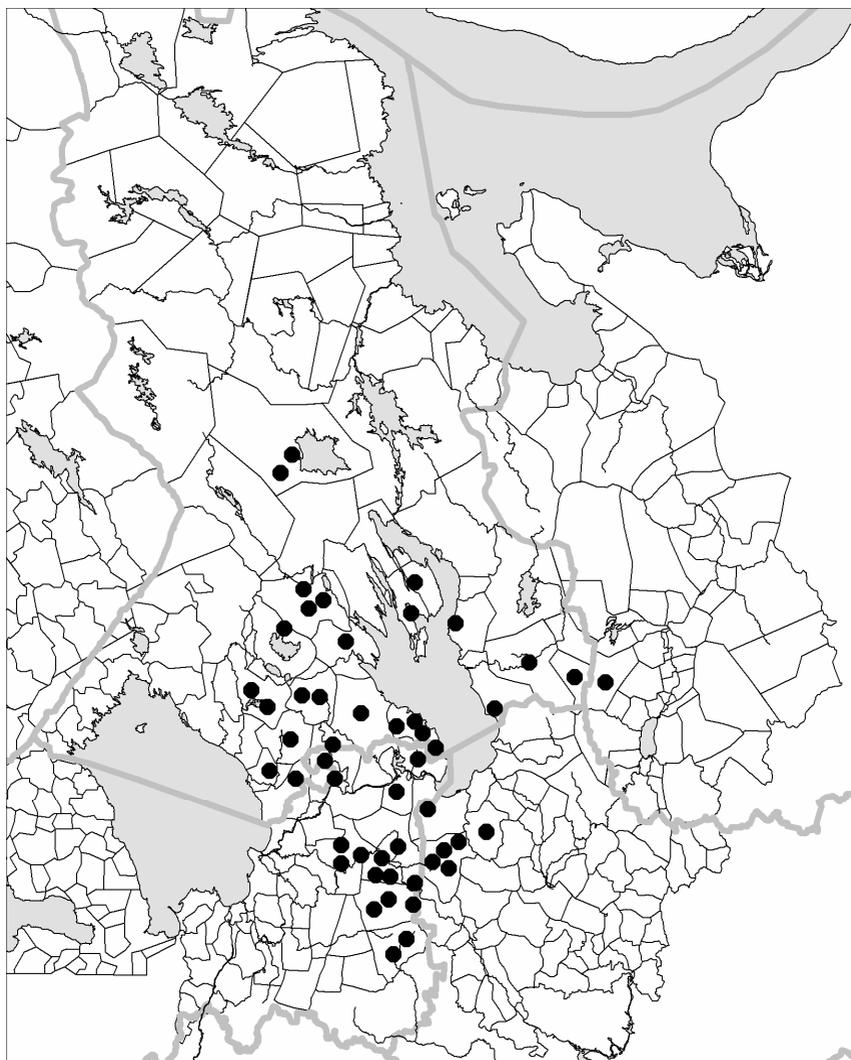

Рис. 2. Ареал вепской топоосновы Palte/Палтега

рек, ручьев («там недалеко речки сливаются, свариваются»). Карельские истоки для данной модели были предложены А. К. Матвеевым и позднее Я. Саарикиви: карел. *suara* ‘разветвление (дерева, дороги)’. Пришлое же карельское население не могло принести данную модель именования с собой, так как картографирование модели *sara/sara* указало на ее отсутствие на территории расселения карелов и, наоборот, – на значительную продуктивность на территории былого и современного расселения вепсов [Муллонен, 2007, 12–15]. Модель Свара, скорее всего, является результатом карельского освоения вепсской модели Сара, что говорит о более позднем появлении здесь карельского населения по сравнению с вепским.

В качестве еще одного примера приведем дифференцирующую вепсскую модель *Palte/Палтега* (вепс. *palte* < **palteg* < **palttek* ‘склон, косогор’), реализованную в топонимии Восточного Обонежья в названиях сельскохозяйственных угодий: Палтега, Палтеги, На Палты, Палтяжная Гора и др. Лексема *palte* известна в определенной степени и карельским говорам, но не получила распространения в карельской топонимии. Топонимический ареал модели *Palte/Палтега* охватывает вепсские и смежные, сформировавшиеся в ходе карело-вепсского языкового контактирования ливвиковскую и людиговскую территории, модель бытует также в русском (в том числе и Восточном) Обонежье (рис. 2).

В пользу вепсского прошлого Восточного Обонежья свидетельствует практически полное отсутствие здесь этнонимов с основой *вепс-* (исключение составляют названия бол. Вепсимох и руч. Вепсручей), в то время как ареал топоосновы *карел-/корел-* широко представлен от восточного берега Онежского озера до бассейна Северной Двины: *Карелин лес, Карельский ручей, Карельское озеро, Карельские острова, Карелы, Карельский Конец, Кореловщина, Корелка, Корелово, Малокорельское, Большекорельское* и др. Как правило, топонимы этого типа маркируют очаги карельских поселений, возникших на территориях, занятых русским или вепским населением.

Ареальный анализ топонимического материала и его картографирование показывают, что карельские модели, представленные, как правило, в центральной и северной Карелии распространяются

из Северного Приладожья и доходят до Восточного Обонежья, огибая Онежское озеро с севера, вепские – исходят с территории межозерья Ладожского, Онежского и Белого озер и приходят в Восточное Обонежье через территорию Южного Обонежья. При этом вепский субстрат доминирует в Водлозерье, вдоль течения р. Водлы, в южной части Пудожского района, которая объединяется со смежными территориями Вытегорского района в единый ареал, а также в Кенозерье, помечая, видимо, пути освоения территории вепским населением.

Карельская топонимия представляет собой, вероятно, верхний (более поздний по сравнению с вепским) пласт многослойной субстратной топонимии этой территории и восходит ко времени карельских переселений на восток из Северного и Северо-Западного Приладожья XVI–XVII вв.

Список сокращений

бол. – болото
д. – деревня
зал. – залив
м. – мыс
о. – остров
оз. – озеро
р. – река
руч. – ручей
ср. – сравни

уг. – угодье
вепс. – вепский
карел. – карельский
прасаам. – прасаамский
приб.-фин. – прибалтийско-
финский
рус. – русский
саам. – саамский

ЛИТЕРАТУРА

- Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972.
Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М: Наука, 2006.
Материалы по истории Европейского Севера СССР // Северный археограф. Вып. 2. М., 1972.
Муллонен И. И. Этноисторические мотивы топонимии Белозерья // Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X веков). Петрозаводск, 1991.
Муллонен И. И. Заметки о топонимии Водлозерья // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. Петрозаводск, 1995.

- Муллонен И. И.* Очерки вепской топонимии. СПб, 1994.
- Муллонен И. И.* Топонимический атлас Карелии: проблемы и перспективы // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте. Материалы научного симпозиума. Петрозаводск, 2007.
- ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1563 г. Л., 1930.
- ПФГЛК – *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Хелимский Е. А.* Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопросы ономастики. 2006. № 3.
- Itkonen T. I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja // LSFU. XV. Helsinki, 1958.
- Карjalan kielen sanakirja. I – V // LSFU. XVI. Helsinki, 1968–1997.
- Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto // SUST. 200. Helsinki, 1989.
- Nissilä V.* Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylännimistössä // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 72. Helsinki, 1973.
- Nissilä V.* Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö. Helsinki, 1975.
- Nissilä V.* Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. 1. 1976.
- Saarikivi J.* On the Uralic substrate toponymy of Arkhangelsk region: problems of research methodology and ethnohistorical interpretation // Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian substrate in Northern Russian dialects. Tartu, 2006.